

ЛОВЪ АКУЛЬ

Производя опыты яруснаго лова вдали отъ береговъ, «Поморъ» подвигался къ востоку, заходя время отъ времени въ становища, чтобы запастись наживкой. Съ этой именно целью пришли мы въ становище Восточную Лицу. Когда шлюпка отправилась за наживкой, мы съ Григоріемъ Ивановичемъ тоже съехали на берегъ.

— Каково промышляете? — спросилъ Григорій Ивановичъ пожилого помора.

— Плохо промышляемъ, — отвечалъ тотъ съ унылымъ видомъ.

— Что такъ? Рыбы ведь везде много... Или, быть можетъ, наживки нетъ?

— И рыба есть, и наживки достаточно, а ловить нельзя: акула мешаетъ! Какъ полежить ярусъ больше 2 — 3 часовъ, такъ хоть и не выбирай: всю рыбу акула объела! Такъ и ловимъ: выскочимъ въ море, выметаемъ ярусъ, да черезъ 2 часа и выбираемъ. Какой это промыселъ? Только снасть портимъ! Добро бы только рыбу съедала, а то ведь весь ярусъ спутаетъ и порветъ подлая!

— Отчего же вы не начнете акулу промышлять? — спросилъ Григорій Ивановичъ.

— Пожалуй, придется! — отвечал поморь. — Вот, рассказывают, въ Корабельной пахте колонисть одинъ выехалъ на промысель и ярусъ выметалъ... Вылежали, значить, какъ следуетъ, на ярусѣ и стали выбирать... Выбираютъ а вместо трески — акула, да акула! Ну, видить онъ, что снасть все равно попорчена, посвязывалъ, наживиль, да и снова выметалъ... Такъ въ «две зари», говорятъ, 70 акуль поймалъ! 150 пудовъ воюксы (т.-е. печени) скупщику продалъ!

— Что-жъ, Константинъ Павловичъ, попробуемъ и мы акуль ловить? — спросилъ Григорій Ивановичъ, когда мы возвращались въ шлюпке на «Поморь».

— Конечно! — отвечалъ я. — Да и ярусъ, я думаю, также нужно будетъ выметать, чтобы посмотреть, какая рыба здесь держится.

Отойдя отъ берега миль на 15, «Поморь» сталъ на якорь. Къ этому времени уже наживили 10 тюковъ яруса и, несмотря на довольно свежий ветеръ и порядочное волнение, выметали его. Глубина была 148 метровъ. Пока я определялъ температуры на различныхъ глубинахъ, начали готовиться къ лову акуль.

Въ мешокъ изъ грубой, но неплотной ткани положили «граксы», которая представляетъ собою не что иное, какъ остатки, получающіеся при вытапливаніи тюленьяго жира. Гракса эта провонялась настолько, что я не зналъ, куда

даваться отъ исходившаго отъ нея запаха. Привязавъ къ мешку камень, его спустили на дно.

— Для чего это? — спросилъ я.

— Это приманка! Акулы любятъ этотъ запахъ и, вероятно, уже собираются, надеясь полакомиться, — отвечалъ штурманъ, проявлявшій большую деятельность.

Ну, и вкусы же у этихъ чудовищъ! — подумалъ я. — Вотъ ужъ, действительно съ кемъ нельзя спорить о вкусахъ!

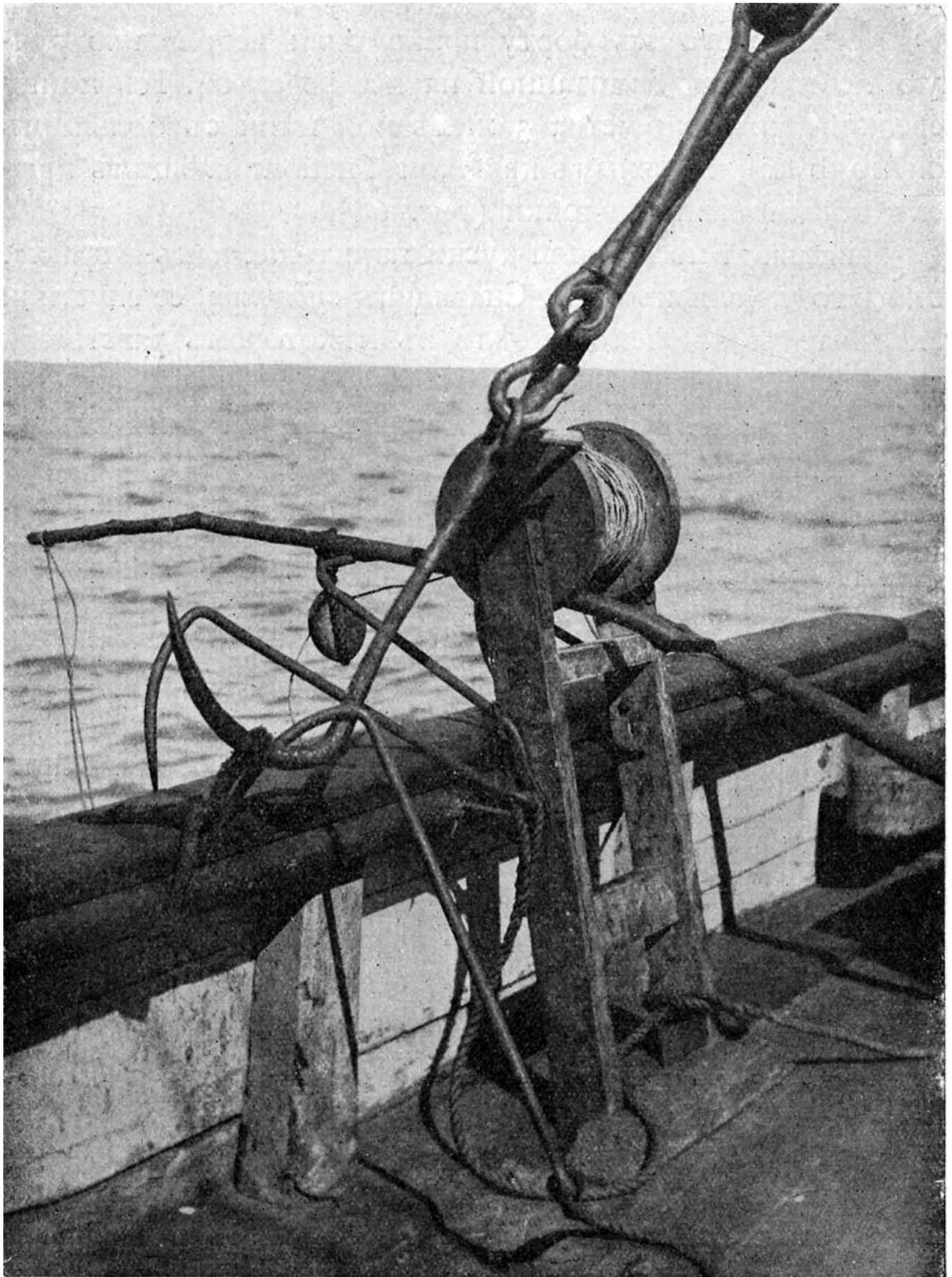
После этого къ борту прикрепили небольшую ручную лебедку съ намотанной на нее веревкой. Къ концу веревки привязали метра 3 железной цепи съ большимъ (около фута) железнымъ крючкомъ, нагюминающимъ крючекъ обыкновенной удочки.

Наживкой послужили куски такого-же, какъ и гракса, вонючаго тюленьяго мяса. Снарядивъ «удочку», ее спустили такъ, чтобы крючекъ висель въ некоторомъ разстояніи отъ дна.

— Какъ же вы узнаете, попалась акула или нетъ? — спрашивалъ я.

— А вотъ мы сейчасъ удилище пристроимъ, — говорилъ штурманъ, прикрепляя къ борту небольшую гибкую палку.

Когда последняя была укреплена, къ концу ея, выступающему за бортъ, привязали веревку, на которой былъ спущень крючекъ.

Приспособленіе для лова акулъ. Видна палка, служащая удилицемъ, маленькая ручная лебедка и большіе крюки, которыми подцепляютъ пойманныхъ акулъ.

Такихъ «удочекъ» спустили съ обоихъ бортовъ 4.

Все мы съ напряженіемъ стали ожидать, что будетъ. Прошло минутъ 15. Вдругъ палка одной изъ удочекъ, играющая роль удилица, начала сильно изгибаться; очевидно, попавшаяся на крючекъ акула съ силой дергала за веревку! Все оживились.

— Ага! попалась! — съ торжествомъ закричалъ штурманъ, снимая веревку съ конца удилица. — Тащи, ребята!

Двое матросовъ живо начали наматывать веревку на катушку лебедки. Все мы свесились за бортъ, желая поскорее увидеть добычу. Вотъ въ прозрачной воде показалось что-то серое длинное. Скоро мы ясно различали слабо извивающееся туловище акулы. Разинутая пасть съ белевшими рядами зубовъ время отъ времени закрывалась, сжимая торчащую изъ нея цепь, къ которой привязанъ крючекъ.

Когда акулу подтянули къ борту, ее зацепили большими крюками и подняли на палубу. Быстрый переходъ съ большой глубины до поверхности и связанное съ нимъ измененіе давления сказались и на этомъ чудовище: оно едва шевелило хвостомъ. Чтобы быть увереннымъ въ его смерти, его все же несколько разъ ударили по голове тяжелымъ железнымъ крюкомъ. Вся кожа акулы покрыта мелкими, загнутыми шипами, напоминающими короткіе гвоздики. Когда ее протащили отъ борта по палубе, на последней обозначилась дорожка, какъ будто кто-нибудь взялъ и выскоблилъ ее чемъ-

то острымъ. Широкооткрытая страшная пасть сверкала несколькими рядами белыхъ острыхъ зубовъ.

Длина пойманной акулы была 3,7 метра! Т.-е., она была почти въ 2 раза длиннее любого изъ насъ! Меня очень интересовало, чемъ питается такая громадина... Съ трудомъ проникалъ острый ножъ сквозь шиповатую кожу... Черезъ большой разрезъ, сделанный на брюхе, вывалилась большая желтая печень (воюкса), а затемъ показался и желудокъ. Когда вскрыли его, то въ немъ оказалась еще свежая, по-видимому, недавно только пойманная треска.

— Что же теперь съ ней делать? — спросилъ я Григорія Ивановича.

— Вырежемъ воюксу, а все остальное выбросимъ.

Когда вырезали печень, я ее взвесилъ; весила она 1 пудъ 33 фунта!

Передъ выбрасываніемъ туши за бортъ, въ пустой желудокъ акулы при помощи трубки изъ тростника надули воздуха и завязали. Благодаря этому выброшенная за бортъ акула не потонула и плавала на поверхности моря.

— Для чего это надували желудокъ воздухомъ? — интересовался я.

— А чтобы не затонула; а то другія акулы сейчасъ же на нее набросятся, наедятся и плохо будутъ идти на крючекъ.

— Ради чего вообще промышляют акуль? Неужели ради печени? — спрашивалъ я.

— Конечно, — отвечалъ Григорій Ивановичъ. — Печень очень ценится: изъ нея вытапливаютъ ценный жиръ. Посмотрите, какая она жирная!

Пока мы возились съ первой акулой, попалась вторая почти такой же величины. Когда ее вскрыли, желудокъ оказался очень раздутымъ: въ немъ было 2 порядочной величины тюленя! Ну и аппетитъ же у этой рыбы!

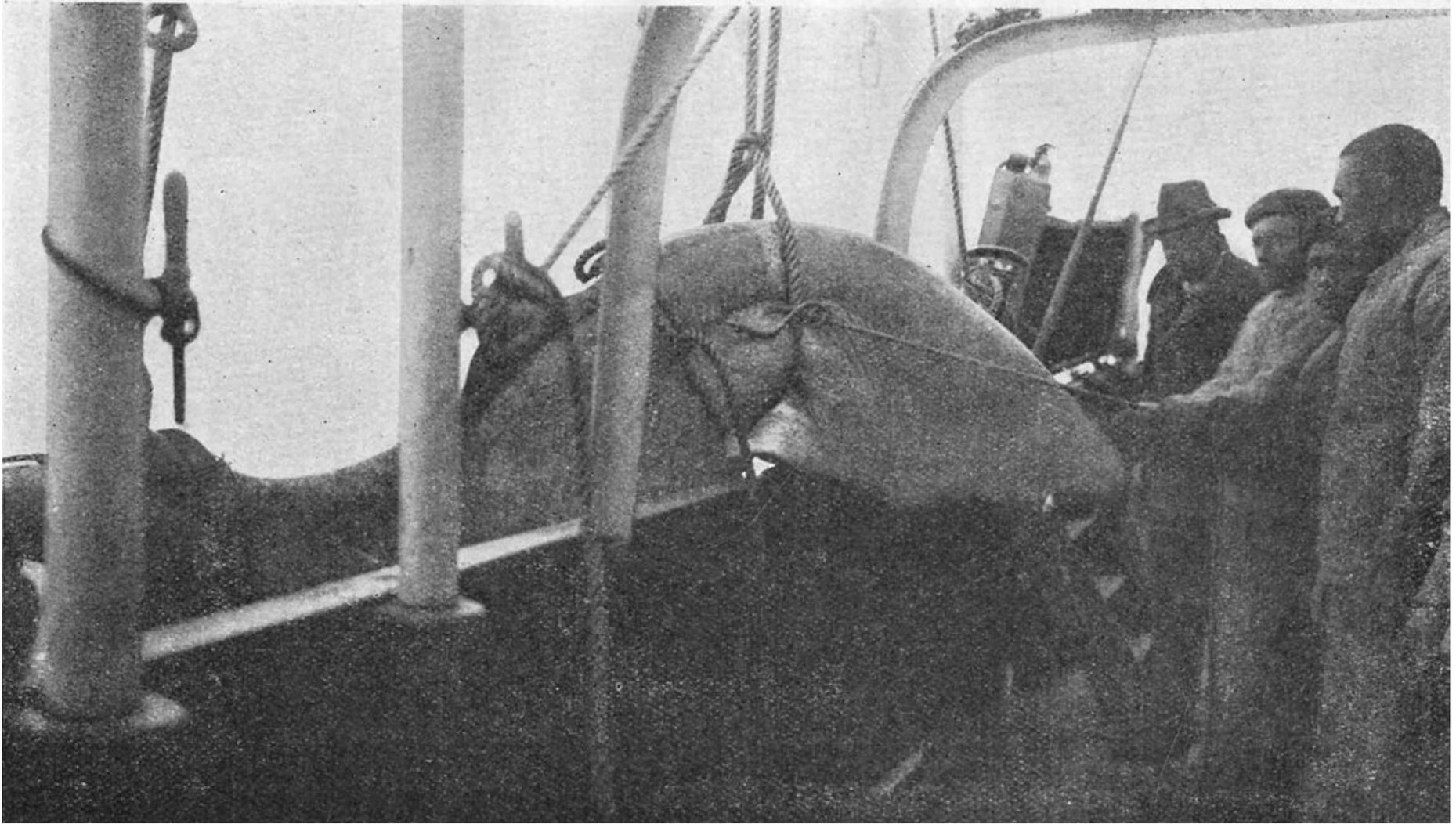
Время отъ времени возле какой-нибудь изъ удъ раздавались торжествующіе возгласы; это значило, что поймали еще акулу. Ловъ шель все успешнее и успешнее.

А насъ между темъ болтало все больше и больше. Ветеръ усиливался. Гребешки волнъ стали покрываться белой пеной. Григорій Ивановичъ съ тревогой посматривалъ на горизонтъ, затянутый серыми тяжелыми облаками.

— Что это вы беспокоитесь, Григорій Ивановичъ? — спросилъ я.

Яруса намъ сегодня не выбрать! — говорилъ онъ, посасывая свою трубочку: — шлюпку будетъ заливать, когда стануть тянуть ярусъ. Придется оставить его, пока погода стихнетъ.

Такъ за ярусомъ и не поехали.

Подъем акулы на борт.

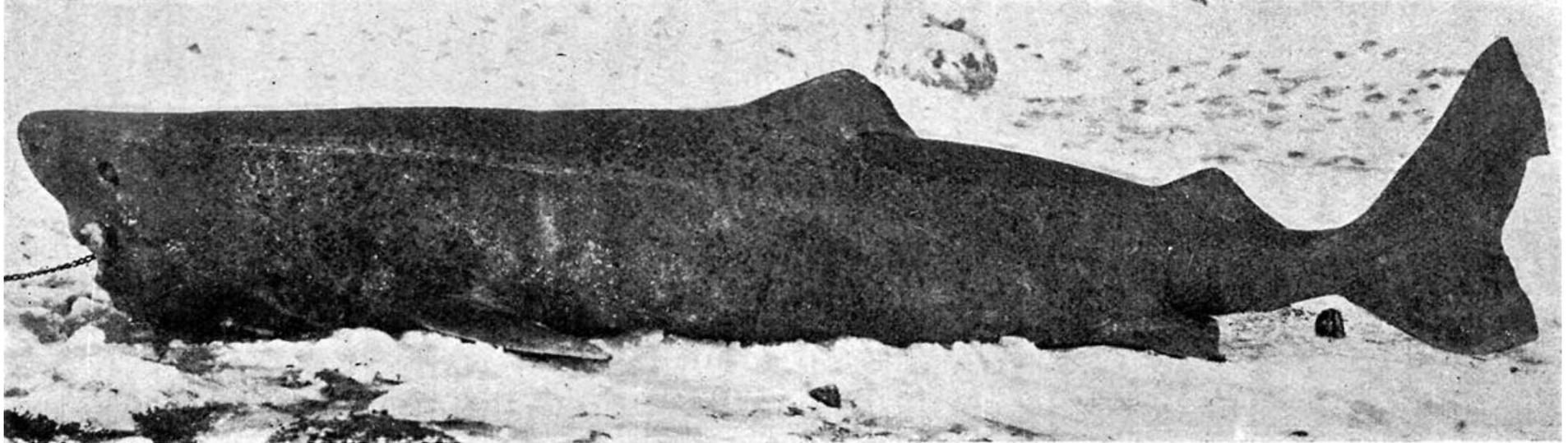
Волненіе усилилось настолько, что пойманных акулъ нельзя уже было поднимать на палубу. Подтянувъ къ борту крюками и измеривъ, вырезывали у нихъ печень и вскрывали желудокъ. Надувать его воздухомъ при этомъ тоже было невозможно. Выброшенная въ море акулы туши сейчасъ же тонули.

Когда черезъ некоторое время после этого у пойманной акулы вскрыли желудокъ, то въ немъ оказалась половина акулы только что выброшенной въ воду!

Вообще меня поражало содержимое желудковъ акулъ. Вотъ несколько примеровъ, показывающихъ чѣмъ оне питаются: 1) треска, 2) два тюленя, 3) треска, камбала и скать, 4) раковины моллюсковъ и треска, 5) два камня и больше ничего, 6) остатки трески и зубатки, 7) часть акулы, 8) треска и 5 пикшей, 9) желудокъ пустой.

Я понимаю такую пищу, какъ тюлень, треска, пикша, но къ чему же камни глотать? И каково бедному акульему желудку, въ который попадетъ такая колючая штука, какъ скать? Вероятно, для акулы скать — что-нибудь въ роде острой закуски!

Только на следующій день волненіе стихло настолько, что можно было послать шлюпку за ярусомъ. Какъ и следовало ожидать, онъ оказался въ очень печальномъ состояніи: рыбы почти не было.

Акула. Сфотографировано на снегу. Из рта торчит цепь от крючка.